

Н.Ю. Гутарева

Томский политехнический университет

Проблемы понимания и интерпретации дискурса лести

Аннотация: Некоторые лингвисты трактуют дискурс как подчеркнуто интерактивный способ речевого взаимодействия, в противовес тексту, обычно принадлежащему одному автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией диалог и монолог. Само по себе последнее разграничение довольно условно, потому что наиболее естественным проявлением языковой активности следует считать диалог. Во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду противоположных критериев: функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность и актуальность – виртуальность. Соответственно, различаются структурный текст-как-продукт и функциональный дискурс-как-процесс. Под термином «дискурс лести» мы предлагаем понимать следующее: дискурс лести – сложное коммуникативное явление, имеющее в своей основе интенциональные свойства адресанта, проявляющееся в угодливом восхвалении, искажении информации об адресате с корыстной целью посредством специальных языковых средств, отвечающие целям и задачам коммуникации (одного коммуникативного намерения). Иногда дискурс лести можно рассматривать как компромиссное образование, т.е. как результат согласования между интересом адресанта и адресата. Дискурс лести содержит три основных компонента: 1) информативный (пропозициональный); 2) оценочный (модусный); 3) прагматический. Характерными чертами дискурса лести являются: конкретная целенаправленность на адресата, прагматичность, корыстность, неискренность, явное преувеличение, желание манипулировать объектом лести.

Some linguists consider discourse as only an interactive way of speech interaction, otherwise to text usually belonging to one author that pulls together this opposition with a traditional opposition dialogue and monologue. The last differentiation is conditional enough because the most natural implication of language activity one should consider a dialogue. In many functionally-oriented investigations there is a tendency to opposition discourse and text by a number of opposite criteria: functionality – structural formula, process – product, dynamism – static character, urgency – virtuality. Accordingly we can differ structural text as a product and functional discourse as a process. Thus we offer to consider by the term «flattery discourse» the following: flattery discourse – a complicated communicative phenomenon having in its basis intentional properties of a sender, showing in obsequious eulogy, distortion of information about an addressee with a mercenary motive by means of special language means, answering aims and tasks of communication (one communicative intention). Sometimes flattery discourse can be considered as a compromise formation, as a result of coordination between the interest of a sender and an addressee. Flattery discourse has three basic components: 1) informative (modus vivendi); 2) estimated; 3) pragmatical. We have found out that characteristic features of flattery discourse are: concrete purposefulness at an addressee, pragmaticness, mercenary, insincerity, obvious exaggeration, desire to manipulate an object of flattery.

Ключевые слова: дискурс лести, объект лести, инициатор лести, интеракция, интенции, пресуппозиции, верификация.

Flattery discourse, object of flattery, initiator of flattery, interaction, intentions, presuppositions, verification.

УДК: 808.855.

Контактная информация: Томск, пр. Ленина, 30. ТПУ, кафедра иностранных языков в области геологии и нефтегазового дела. Тел. (3822) 426349. E-mail: GutarevMM@sibgeo.tomsknet.ru.

В поле интересов нашего исследования находятся не только разные точки зрения на термин дискурс, его роль в лингвистике, но и новый подход к научной интерпретации значения дискурса лести в современном коммуникативном пространстве, его структуры и автономности, стратегия и тактики коммуникативного поведения при реализации дискурса лести.

Сегодня категория *дискурса* в социальных науках играет роль, подобную той, что отведена *евро* в европейской экономике. Само определение такой категории, как *дискурс*, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового общения, поскольку здесь встречаются такие, схожие на первый взгляд, понятия, как текст, диалог и дискурс. Некоторые лингвисты трактуют *дискурс* как подчеркнуто *интерактивный* способ речевого взаимодействия, в противовес *тексту*, обычно принадлежащему *одному* автору, что сближает данное противопоставление с традиционной оппозицией *диалог* и *монолог*. Само по себе последнее разграничение довольно условно, потому что наиболее естественным проявлением языковой активности следует считать диалог. Во многих функционально ориентированных исследованиях видна тенденция к противопоставлению дискурса и текста по ряду противоположных критериев: *функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность* и *актуальность – виртуальность*. Соответственно, различаются структурный *текст-как-продукт* и функциональный *дискурс-как-процесс* [Макаров, 2003, с. 1]. Как правило, данные понятия представлены без пояснений. Предлагается принимать их как данность, известную всем. Однако, существующее многообразие взглядов, используемых при трактовке данного понятия различными авторами, привело к тому, что встречаются диаметрально противоположные определения термина «дискурс» и единиц его составляющих.

Обращаясь к толкованиям термина «дискурс», мы встречаем множество подходов. Понятие «дискурс» в значении речи, присваиваемой говорящим, было взято и введено в широкий обиход Э. Бенвенистом, представителем французской лингвистической школы. Э. Бенвенист, рассуждая об языковых структурах и их анализе, в частности, об уровнях лингвистического анализа, пришел к выводу о том, что «предложение – образование неопределенное, неограниченно варьирующееся; это сама жизнь языка в действии. С предложениями мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения – выражением которого является речь (*le discours*)» [Бенвенист, 1974, с. 53].

Ученый подчеркивает двойственную природу предложения, считая предложение полной единицей речи, имеющей и смысл, и референцию. Поэтому, по мнению Э. Бенвениста, коммуникация не происходит как таковая в том случае, если при общении индивидов отсутствует определенная соотнесенность с ситуацией, «ведь даже если смысл и понятен, а референция неизвестна, коммуникация не имеет смысла» [Там же]. Резюмируя все вышесказанное, исследователь указывает на то, что «именно в речи, реализованной в предложениях, формируется и оформляется язык. Именно здесь начинается речевая деятельность» [Там же, с. 13].

Основоположник *теории дискурса*, швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, предложил следующее:

1) любая знаковая система функционирует благодаря различиям между ее элементами;

2) смысл каждого элемента (знака) определяется исключительно в результате его отношения к другому элементу. Исходного, изначального и вне-языкового (вне-системного) смысла элемент не имеет;

3) взаимосвязь между звуковым, изобразительным и т.д. компонентами знака и его концептуальным компонентом (связь «означающее – означаемое») произвольна, исторически обусловлена и, следовательно, не абсолютна [Соссюр, 1999, с. 24].

Представление дискурса в качестве акта речевой деятельности характерно для Г. Гийома. Он полагает, что данный акт в развитых языках, которые освободили его от множества вещей и сделали тем самым его легким и быстрым актом, большей частью состоит в передаче из языка в речь (*discours*) семантем и морфем, к которым прибегает мысль для самовыражения. Эта передача требует того, чтобы семантемы и морфемы располагали в языке означающим, т.е. фрагментом речи (*parole*), привязанным к тому, что они обозначают, т.е. означаемому, которое они образуют в мысли [Гийом, 1992, с. 46].

Представление текста в качестве основы дискурса присуще многим авторам: «...исходный текст ступшевается, а вместе с ним исчезает и все неисчерпаемое богатство слов, немое бытие которых было начертано на вещах; остается только представление, развертываясь в словесных знаках, является его проявлением, и становясь благодаря этому дискурсивной» [Фуко, 1996, с. 121].

Ролан Барт указывал на то, что произведение всегда представляется мало-символичным, зато текст представляет собой целостную символическую общность знаков, и только в том случае, когда произведение принято и понято во всей полноте, его можно считать текстом [Барт, 1994, с. 32].

Некоторые исследователи понимают под дискурсом некую систему, где изначальное или трансцендентальное никогда полностью не присутствует вне некоторой системы различий [Shiffrin, 1994; Деррида, 2000; Тартаковская, 2003, с. 165].

Другие ученые предлагают рассматривать дискурс в качестве овеществленного субинститута как объекта вторичного по отношению к реальности. Такой вид дискурса также можно оценивать, обдумывать и обсуждать [Кристева, 2004, с. 57].

А.Е. Чучин-Русов предлагает описывать дискурс «не только как живое воплощение текста, под коим понимается абстрактная, формальная, письменно фиксируемая или зафиксированная знаковая конструкция, но и как некая актуализация ее потенциальных смыслов или как живая пародия на омертвленный традицией восприятия или искусственно реанимируемый ею мертвый в своей неизменности текст». Жизненный контекст дискурса моделируется в форме фреймов – «рамки» или, иначе говоря, «сценариев» неких комплексных действий, в которых «собственно текст играет далеко не единственную и не всегда главную роль» [Чучин-Русов, 1999, с. 98].

Согласно Дж. Фиске, дискурсом называется организация языка вне пределов предложения, «расширенное» использование языка: «дискурс есть язык, или система образов (*representation*), сформированный обществом в целях распространения связного набора смыслов по поводу определенной темы» (цит. по: [Ушакин, 1996, с. 132]).

Д. Кристалл определяет дискурс как непрерывный протяженный «отрезок» языка размером более предложения и считает единицей дискурса тексты (цит. по: [Шевченко, 2002, с. 76]).

А.А. Романов предлагает рассматривать три направления в лингвистике, связанные с изучением проблемы дискурса [Романов, 2005, с. 137].

Первое направление характеризуется отношением к дискурсу как к собственно лингвистическому понятию, рассматриваемому сквозь призму речи, текста и диалога.

Характерными признаками второго направления являются характеристики описательного характера дискурса и определяют позицию автора, отвечая на вопрос – *какой* или *чей* дискурс. Это направление неразрывно связано с Фуко, который предложил разграничивать речь и дискурс: «...имя автора функционирует, чтобы характеризовать определенный способ бытия дискурса: для дискурса тот факт, что он имеет имя автора, тот факт, что можно сказать: “Это было написано таким-то” или “Такой-то является автором этого”, означает, что этот дискурс – не обыденная безразличная речь, не речь, которая уходит, плывет и проходит, не речь, немедленно потребляемая, но что тут говорится о речи, которая должна приниматься вполне определенным образом и должна получать в данной культуре определенный статус» [Фуко, 1996, с. 143]. Он также предлагает рассматривать дискурсы как прерывные практики, которые могут пересекаться или же полностью игнорировать или исключать друг друга.

Существует третье направление в теории дискурса. Здесь дискурсом называется «...особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п., имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации» [Романов, 2002, с. 32].

Отдельно можно отметить исследования Т.А. ван Дейка, который показывает когнитивные механизмы описания дискурса как значимого сегмента социокультурного взаимодействия. Его основными характеристиками являются: интересы, цели и стили [Дейк, 1989, с. 49].

В понимании и интерпретации дискурса мы основываемся на точке зрения А.А. Романова. Рассмотрев различные точки зрения на дискурс вообще, перейдем к частному – дискурсу лести.

Под термином «дискурс лести» мы предлагаем понимать следующее: дискурс лести – сложное коммуникативное явление, имеющее в своей основе интенциональные свойства адресанта, проявляющееся в угодливом восхвалении, искажении информации об адресате с корыстной целью посредством специальных языковых средств, отвечающие целям и задачам коммуникации (одного коммуникативного намерения).

Иногда дискурс лести можно рассматривать как компромиссное образование, т.е. как результат согласования между интересом адресанта и адресата. История существования и распространения лести в человеческом обществе не оставляет сомнений по поводу взаимной заинтересованности в лести, как со стороны инициатора лести, так и со стороны объекта лести. На сознательном или на подсознательном уровне лести приятна для реципиента, возможно, он даже верит в ее правдивость, хотя бы наполовину, она, бесспорно, вызывает положительные эмоции, и ее действие не ограничено во времени. Лестецы почти всегда и в любые времена самые желанные собеседники, люди с легкостью способные «подсластить», «скрасить» горькую реальность, «высоко» оценив наши «заслуги» и «неповторимую» индивидуальность. В пользу последнего свидетельствует следующая цитата: «если бы мы сами не льстили себе, чужая лесь не причиняла бы нам никакого вреда» [Ларошфуко, 1971, с. 153].

Лесь заложена в человеческой природе, как защитное средство, показатель коэффициента выживания индивидуума в социуме, направленный на гармонизацию речевого общения. «Нет ничего в мире сложнее прямодушия, и нет ничего легче лести» [Достоевский, 1987, с. 85].

Дискурс лести содержит три основных компонента:

- 1) информативный (пропозициональный);
- 2) оценочный (модусный);
- 3) прагматический.

Информативный компонент имеет своей основой понятие бытийности, наличия, он является неперенным условием. Восприятие информации всегда опирается на пресуппозиции, т.е. представляет собой предварительные постулаты, тезисы, убеждения, принципы, лежащие в основе действий индивида. Пресуппозиции представляют собой мировоззрения, которые формируют основу специфической системы знания. Наглядно это демонстрируют различные лозунги советских времен. Например: *«Говорим партия, подразумеваем Ленин. Говорим Ленин, подразумеваем партия»*. *«Коммунистическая партия – честь, ум и совесть нашего народа»*.

Оценочный компонент содержит в себе аксиологический аспект, т.е. дискурс лесты включает в себя: оценочную лексику, фразеологию, вторичные коннотации, например: *«Послание Медведева очень патриотично. “Россия, вперед!” – сказано гениально. Возможно, через 100 лет Путина и Медведева назовут великими реформаторами, поднявшими страну с коленей, – наряду с Петром I»*. (Александр Захаров, старший дознаватель отдела организации дознания МВД по республике Мордовия, газета «Коммерсантъ»).

Наибольшей значимостью в дискурсе лесты обладает прагматический компонент или, иными словами, прагматическая нацеленность. Цель его состоит в том, чтобы попытаться заставить адресата выполнить какое-либо определенное действие, выгодное для инициатора лесты, т.е. суметь расположить его посредством лестных высказываний, а затем внушить или навязать ему свою волю без учета интересов объекта лесты. Например: *«Уверена, что работа Владимира Владимировича может в дальнейшем вырасти в цене, так как это уникальный предмет – первая написанная им картина. Еще одна неожиданная грань выдающейся личности!»* (владелица галереи «Наши художники» Наталья Курникова, заплатившая за работу кисти Владимира Путина «Узор на морозном окне» 37 млн. руб.).

Рассматривая модель коммуникативного поведения участников интеракции при реализации дискурса лесты, можно отнести к структуре лесты следующее: установка на лесть и пропозициональная установка, подбор вербальных, невербальных и паралингвистических средств общения инициатором лесты – реализация лесты – восприятие и верификация информации объектом лесты – возможная реакция на лесть реципиента – оценка полученного результата и возможная коррекция коммуникативного поведения адресанта. Главная цель применения лесты адресантом – манипулирование объектом лесты, т.е. преследование собственных корыстных интересов. Манипулирование – это вид психологического воздействия, которое ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его реально существующими желаниями. Это вид психологического воздействия, при котором происходит скрытое внедрение в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые реально имеются у адресата [Бредемайер, 2006. с. 78].

Итак, мы выяснили, что характерными чертами дискурса лесты являются: конкретная целенаправленность на адресата, прагматичность, корыстность, неискренность, явное преувеличение, желание манипулировать объектом лесты. В поле интересов нашего исследования находится также стратегия и тактики коммуникативного поведения при реализации дискурса лесты. Дискурс лесты представляет собой интенционально обусловленную реализацию угодливого восхваления, искажения информации об адресате с корыстной целью посредством специальных языковых средств, отвечающие целям и задачам коммуникации с учетом таких экстралингвистических категорий как интенциональность и стратегичность, где первая категория представляет собой выражение цели адресанта по отношению

к конкретному адресату, а вторая – выбор наиболее приемлемого способа реализации этой цели. Иными словами, исследование дискурса лести предполагает существование участников коммуникации (инициатора и объекта лести), а также наличие у первого намерения оказать влияние на другого с помощью тщательно продуманных и подготовленных лингвистических средств, где присутствует ярко выраженная прагматическая направленность на реализацию конкретной цели коммуникации, на достижение желаемого результата, запрограммированного инициатором лести.

Поскольку лесть – это завуалированное побуждение, маркированное по признаку высокой степени личной заинтересованности, льстец старается максимально расположить адресата к себе посредством актуализаторов гипервежливости, учтивости, предупредительности, любезности, обходительности и уважительных обращений, посылая ему явные и скрытые (вербальные и невербальные) «социальные поглаживания» в виде многочисленных знаков вежливости и признательности [Формановская, 1998, с. 72]. Например: «*О! Мой несравненный, достопочтимый господин!*»; «*Я – Ваш покорный слуга...*»; «*Нижайше прошу Вас – мудрейший из премудрых об одной незначительной услуге...*»; «*Драгоценный, наисветлейший Иван Петрович, умоляю Вас помочь в решении одного деликатного вопроса...*»; «*Милостивый государь! Спешу доложить Вам...*»; «*О! Светлейший князь, покорнейше благодарю Вас...*»; «*Именем императора великого и всемогущего повелеваю...*».

Приведенные выше эпитеты в примерах направлены на эмоциональный фон адресата, с целью оказания на него манипулятивного воздействия.

Глобальной стратегией при реализации дискурса лести выступает коммуникативная стратегия скрытого побуждения, поскольку инициатор лести преследует цель побудить объект лести к выполнению выгодного для адресанта действия. Коммуникативная стратегия завуалированного побуждения в виде лести, будучи сложным коммуникативно-языковым феноменом, реализуется целым спектром тактик, таких как: тактика выражения уважения адресату, тактика сближения коммуникантов, тактика субъективной аргументации, тактика объективной аргументации, а также тактика положительной самопрезентации, тактика выражения готовности и согласия (вербального и невербального), тактика покорности и самобичевания или самоуничижения, тактика многократного увещания, заклинания, тактика восхваления и угодничества, – взаимозависимость и активное комбинирование которых способствует достижению высокой степени успешности реализации дискурса лести и, следовательно, более эффективному воздействию на объект лести. Установлению отношений некоторой зависимости адресанта от адресата способствует также применение таких коммуникативных ходов как: демонстрация сверхдоверия, благодарности, радости и т.д. Например:

– *Добрый день, симпатичнейший Степан Богданович!*

– *Что Вам угодно, милейший?*

– *Позвольте представиться. Профессор черной магии Воланд, – веско сказал визитер* [Булгаков, 2007, с. 93].

Данный пример представляет ситуацию налаживания контакта, расположения коммуниканта, с целью вхождения к нему в доверие, усыпление бдительности адресата с твердым намерением заполучить жилплощадь объекта лести. И следующий пример служит тому подтверждением:

– *Я вижу, Вы немного удивлены, дрожайший Степан Богданович! – осведомился Воланд у лязгающего зубами Степы. – А между тем удивляться нечему. Это моя свита.*

– *И свита эта требует места, – продолжал Воланд, – так что кое-кто из нас лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно Вы!* [Там же, с. 100].

Этот пример интересен переходом от льстивого обращения к хозяину квартиры – к прямой угрозе. Как в реквестивных, так и в констативных речевых актах в целях демонстрации доверия объекту лести используются специальные клишированные лексические и синтаксические маркеры, служащие выражению почтения инициатора лести. «Отличительная черта речевого акта лести заключается в том, что адресант оказывает адресату максимум “речевого благоприятствования”, чтобы тот осуществил каузируемое действие» [Формановская, 1998, с. 192]. Как правило, социальный статус коммуникатора ниже статуса адресата.

Целью тактики сближения коммуникантов является попытка вербально сократить существующую между коммуникантами дистанцию. К ее актуализации ведут такие коммуникативные ходы как демонстрация доверия объекту лести и выражения готовности к скорейшей ответной услуге. Например:

– *До-ро-гая Юлечка Юрьевна! Отпустите меня, пожалуйста, с работы пораньше, я так себя плохо чувствую. ...Простите меня! А я уж в долгу не останусь...*

– *Ладно, иди...*

– *Ой, премного благодарна!* (Е.А. Панасенко – Ю.Ю. Ковалевой, кадр из фильма «Рабочие будни»).

Целью тактики выражения готовности и согласия является стремление льстеца попасть в круг «избранных», стать как можно ближе к объекту лести, снискав его расположение. Как гласит не безызвестная пословица: «Даже глупец когда молчит, выглядит умным» [Regier, 2010, p. 52]. Следовательно, выражение готовности и согласия – одна из самых благоприятных сред для лести. Безусловно, молчание тоже льстит.

Таким образом, индексом гипервежливого отношения нижестоящего лица к вышестоящему в исследуемом типе дискурса является частое использование льстивых обращений и высказываний к объекту лести посредством сквозной многочленной номинационной цепочки, которая, как правило, представляет собой набор регламентативных речевых актов извинения, благодарности, лести. Коммуникативное поведение инициатора лести заключается не в открытом требовании удовлетворении своих потребностей, а в тонком, льстивом, искательно-покорном стремлении обратить на себя внимание, вызвать в объекте лести такие эмоции как: жалость, сочувствие, признательность, доверие и другие, которые бы способствовали осуществлению намерений адресата. И возможно только человек, обладающий высокими нравственными принципами и глубоким, пронизательным умом может противостоять манипулятивному воздействию льстеца. Следовательно, мы предполагаем, что коммуникативное пространство не позволяет судить о наличии данного класса интерактантов.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
Бредемайер К. Черная риторика. Власть и магия слова. М., 2006.
Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М., 2007.
Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.
Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
Дейк Т.А., ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 1987.
Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики. М, 2004.
Ларошфуко Ф. Афоризмы. М., 1971.
Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
Романов А.А. Политическая лингвистика: функциональный подход. М.; Тверь, 2002.

- Соссюр Ф., де. Курс общей лингвистики. М., 1999.
- Тартаковская И.Н. «Ну, вот, мораль поменялась...»: Медийный гендерный дискурс глазами читателя // Социс. 2003. № 2. С. 87–96.
- Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 130–142.
- Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: Дисс. ... канд. фил. Наук. М., 1998.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1996.
- Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 78–86.
- Шевченко А.Н. Дискурс-анализ политических медиа-текстов // Полис. 2002. № 6. С. 18–23.
- Regier W.G. In praise of flattery. L., 2010.
- Shiffrin D. Approaches to discourse / Ed. By Blackwell Oxford UK and Cambridge USA (Malden), 1994.